

Беседа Председателя Верховного Совета Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина с журналистами "Радио России" 13 апреля 1991 г. В беседе принимают участие Председатель Всероссийской государственной телерадиокомпании народный депутат республики Олег Попцов и комментатор Борис Морковкин

- М. Борис Николаевич, мы снова встречаемся, снова ваше выступление на "Радио России". Ровно неделя как кончился третий Съезд. Отшумели баталии на Съезде. Семь дней достаточно для того, чтобы все отсеклось. Время анализа. Но я полагаю, что Съезд был особый. Не случайно его называли внеочередным, не случайно кто-то желал назвать его чрезвычайным. Если честно - это еще был и навязанный Съезд. И было бы очень хорошо сейчас, спустя семь дней, вернуться к этому событию, совершенно естественно, событию неординарному в жизни России. И услышать ваше мнение и ваш анализ по поводу этого Съезда.
- Б.Н. Я рад, что наши встречи стали регулярными. Я рад встрече с радиослушателями, с гражданами России. Многие следили за работой Съезда, поэтому, наверное, нет необходимости подробно рассказывать о ходе работы Съезда, о ходе дебатов на Съезде и его результатах. Но все-таки мне хочется остановиться на некоторых, очень, по-моему мнению, важных моментах, обобщенных задачах, анализе, размышлениях уже после Съезда. За девять дней непрерывной работы произошло многое. Были драматические моменты, когда Съезд оказывался на грани срыва. Были и моменты прозрения, когда большинство депутатов прониклось государственной ответственностью за судьбу Российской Федерации. Были минуты, часы, за которые многим

депутатам будет стыдно, может, всю жизнь перед своей совестью, перед своими избирателями. Главное, что тем, кто это задумал, а это группа депутатов "Коммунисты России", не удалось навязать Съезду сценарий персонального дела, склок между различными депутатскими группами. Не смогли они навязать Съезду сценарий только одних обвинений руководителей Верховного Совета. Постепенно удалось Съезд вместо Нюрнбергского процесса перевести на рельсы конструктивных предложений по выходу из того кризисного состояния, в котором находится сегодня Россия. Это, по-моему, главное. Проблем много. Наконец-то мы после шока, когда зарубили нашу программу Шаталина-Явлинского "500 дней", за эти месяцы все-таки создали свою, не союзную, а именно российскую программу, оставив многие принципы талантливой группы, которая составляла программу "500 дней". Если немножко как бы пройти по Съезду, по его дням .../н.д./.

- П. Как бы снова его начать, снова ввязаться в дискуссию и затем его заключить ...
- Б.Н. /Дог./ Это был удивительный Съезд, когда в первый же день Съезд сказал свое веское "нет" тому осадному режиму, в который по распоряжению Президента и премьер-министра страны был загнан Съезд. Такого в истории еще не было. С помощью войск защищали, конечно, не 29 депутатов, обратившихся к Президенту с просьбой о защите от избирателей, а стремились помешать москвичам выразить свою поддержку российскому руководству, курсу, который оно проводит. Но российские депутаты довольно принципиально поставили вопрос и потребовали нормального режима работы: не в осаде и не в бронекольце. И приостановили заседание Съезда до тех пор, пока не будут уведены войска. Было принято такое решение и доведено до све-

дения Президента. Вечером 28 марта обстановка в Москве достигла критической отметки, многие российские депутаты вместе с избирателями вышли на улицы столицы, и во многом благодаря им удалось избежать столкновений, которые могли быть спровоцированы. Необходимо сказать, что это были люди разных убеждений, политических позиций: демократы, прогрессивно мыслящие коммунисты, беспартийные. Несмотря на различия, их объединяло чувство огромной ответственности перед своими избирателями, глубокое осознание долга защитить их от возможной опасности перехода к насилию. Тогда бы уже Съезд перешел в общегражданское неповиновение. Это было никому не нужно. Но это, видимо, не понимали те, кто организовывал такие защитные полосы. Общими усилиями депутатов, избирателей, москвичей удалось восстановить нормальную обстановку в Москве, добиться вывода войск, только после этого на следующий день Съезд возобновил свою работу. Главный вопрос, который обсуждался депутатами — программа мер по выходу нашей республики из кризиса. После острой, тяжелой дискуссии именно этот вопрос был включен в повестку дня. К сожалению, был предложен только один вариант программы, хотя мы рассчитывали, что другие группы депутатов предложат альтернативный, чтобы можно было взять что-то из других программ. Группа "Коммунисты России", ее ораторы, прежде всего 6 членов руководства Верховного Совета, подписавших политическое заявление, в основном против Председателя Верховного Совета, российского парламента, не смогли представить Съезду какой-либо другой программы, даже намек на нее. И не потому, что им не дали выступить. Нет. Выступил каждый. Но главная тема была другой: не поиск путей выхода из глубокого кризиса, а борьба с Председателем Верховного Совета, борьба с

Председателем Совета Министров Российской Федерации. Борьба до победы, до отстранения от работы. Считаю, что дело здесь не только в личностях, которые кого-то не устраивают. Это борьба против той политики, которая проводится в последние месяцы российскими органами власти. Это борьба против укрепления России, суверенитета России, против политики реформ, за восстановление монополии на власть одной партии, против системы, под которой страна стонет уже более семидесяти лет. Вот почему не получилось альтернативной программы. Чтобы идти назад, она, эта программа, просто была не нужна. А нас толкали и толкают идти назад, вернуться на старые позиции. Как говорят сейчас некоторые средства информации – вернуться в окопы. Достаточно с помощью силы и запугивания восстановить так называемый порядок и снова раздавать команды и директивы направо и налево. Этим путем мы уже шли и зашли в тупик. А нас снова зовут на этот путь. Большинство депутатов его отвергло, причем довольно резко, категорично. Группа "Коммунисты России" как на первом, так и на втором Съезде осталась в меньшинстве. Депутаты за ними не пошли.

П. Очень любопытно, когда сейчас появляются материалы в печати и на первых пресс-конференциях проигравшие обозначают Съезд как свою победу. Это уникальный случай.

Б.Н. Им некуда деваться. Одно заявление на Съезде их председателя стоило именно так называемой их победы.

Но ведь не будем забывать, какую задачу они ставили. И от этой задачи будем исходить. Они ставили задачу снять Ельцина, снять Силаева на этом Съезде? Ставили. Это не получилось. Отсюда им и надо оценивать свои результаты. Съезд подтвердил свою привер-

женность российской политике по укреплению государственного суверенитета республики. В целом одобрил, надо сказать, очень тщательно разработанную .../н.д./. До этих пор шесть групп работало, потом три группы объединились, и получилась довольно основательная программа мер по выходу из кризиса. Теперь она будет в кратчайшие сроки доработана с учетом замечаний, высказанных депутатами, и после принятия Верховным Советом начнет воплощаться в жизнь. А, в общем-то, она уже начинает сейчас работать. Таким образом, через полгода, как была отвергнута союзным руководством программа "500 дней", подготовлена еще одна, но уже применительно только к России. По своим принципам эти программы схожи, они исходят из необходимости радикальной экономической реформы на рыночной основе. Но принятая третьим Съездом программа мер подготовлена с учетом нынешней экономической обстановки: резко обострившегося кризиса и падения жизненного уровня населения. То есть она как бы еще и скорректирована на все российские ситуации. Ведь если бы тогда согласились с программой "500 дней" и начали ее осенью, не было бы таких потерь, как сейчас. Не было бы необходимости проводить такую реформу розничных цен, потому что в программе "500 дней" она была обусловлена, разработана очень, я бы сказал, элегантно, и не была так по уровню жизни населения, как она стукнула сейчас. И это ошибка сегодняшнего руководства страны. Но надо сказать, что, если и сейчас промедлим, масштабы потерь будут неизмеримо большими. Думаю, это понимают все россияне. Чуда не произойдет и кризис сам собой не исчезнет. Нужна твердая политика по проведению реформ. Принятая третьим Съездом программа мер по выходу из кризиса отличается от "500 дней" и тем, что сейчас мы учли

/не как тогда/, что она может не понравиться Центру и вместо совместных усилий по ее выполнению мы получим высокомерный отказ. Может быть, мы были несколько наивны, что слишком поверили тогда Президенту. Но надо же в политике верить руководителю своей страны. И не только в политике. Осенью такое отношение было ударами для Верховного Совета и правительства России, для всех россиян.

Мы оказались к этому просто морально не готовы: к такому удару, к такому ответу. Сейчас такая возможность учтена и одобренная Съездом программа рассчитана на Россию. Она практически отвергает реакцию Центра на эту программу. То есть говорят, как в космосе, она защищена от облучения. Она принимается не как союзная, как "500 дней", а как российская программа.

Конечно, это не означает, что мы собираемся отгородиться от других республик, от союзного сектора экономики, разорвать все межреспубликанские связи. Это, конечно, просто невозможно и наивно было бы об этом думать. Все в нашей стране тесно переплетено: регионы, предприятия, коллективы тесно связаны между собой в едином экономическом пространстве. И Россия одна из важных его частей. Осуществляя программу, будем максимально развивать связи между республиками, опираясь прежде всего на договоры, соглашения, которые Россия уже со многими имеет. Будем координировать экономическую политику, согласовывать действия, возможности в том, что большинством республик тоже взят курс на глубокие экономические преобразования. У них ведь тоже идут споры с Центром, но просто, может быть, это не так заметно, потому что все сфокусировано на вопросах отношений России с Центром, Центра с Россией. Мы с большинством республик идем в одном

направлении, согласованном направлении.

По крайней мере, пять крупных республик, с которыми мы заключили договоры, с каждой из них. И совместными усилиями будем влиять на Центр и на союзные ведомства. Потому что нам не нужен такой "гипер" по размерам Центр, который сегодня существует. Нам нужны самостоятельные республики и "мини" Центр-координатор. Это название "президент-координатор" нашего Президента обижает. Нам видится, что если и нужен президент для таких суверенных государств в Союзе, то только как президент-координатор. Или вообще не нужен. Только коллективный орган, скажем, Совет Федерации. Считаю, такой путь позволит сделать более определенными отношения не только Центра с Россией, но и с другими республиками. Не хочу скрывать от вас, уважаемые россияне, что провести реформу будет крайне сложно. Слишком глубока яма, в которой мы оказались. Нужна не просто политика реформ. Нужна, я бы сказал, и чрезвычайная политика. Съезду было предложено временно перераспределить функции высших органов власти России. Главная цель такого перераспределения следующая: необходимо существенно повысить эффективность власти, особенно в оперативных действиях. Экстренные решения не должны готовиться неделями. Эти меры: и по продовольствию, и политического, и экономического, социального, национального характера, — то есть весь темп мер должен ускориться. Пока люди еще как-то надеются, скажем, на российский парламент, на российское руководство.

П. Борис Николаевич, ведь на Съезде, я бы так сказал, было три кульминационных точки. Первая, когда трижды закамouflированно, но в общем и целом ставился вопрос, когда мы обсуждали постановление, о доверии Председателю Верховного Совета. Вторая —

это ситуация, которую мы бы назвали, по-моему, даже вы сказали, "эффект Руцкого". Это раскол фракции "Коммунисты России".

И третья кульминация – это заявление Ельцина. Я бы хотел, чтобы мы сейчас, ведя разговор о Съезде, коснулись этих моментов, особенно двух последних. Почему появилось заявление Ельцина?

Когда родилась эта идея? Почему нужно перераспределение?

Б.Н. Вот по первому вопросу. Действительно, отношение к компетенции. Уже начали средства массовой информации спекулировать на том, что Ельцину предоставлены чрезвычайные права, полномочия, он их требовал и так далее. Это все-таки для тех, кто или не понял, или специально, преднамеренно искажает суть дела. Да, действительно, когда было принято такое все-таки достаточно мощное постановление .../н.д./. А удалось ведь именно такое. По многим пунктам, может быть, оно нас не удовлетворяет, они не были поняты и поэтому не приняты в постановлении. Но в основном все-таки это конструктивное постановление. Но когда там все время Верховный Совет – Председатель, Верховный Совет – Председатель, Совет Министров – Председатель, и когда смотришь – а времени-то для этого нет, это буквально 91-й год – то возникает вопрос, когда посмотришь Конституцию, что же дано этим органам, которым поручается все это выполнить: Верховному Совету, Президиуму Верховного Совета, Председателю Верховного Совета, Совету Министров и Председателю Совета Министров? Я пришел к выводу, что нужно перераспределение полномочий. Я категорически отвергаю измышления в отношении того, что даются Ельцину чрезвычайные полномочия. Это довольно обычная, как многие мои сторонники говорят, даже скромная, с моей точки зрения, если это сравнивать с объемом задач, постановка вопроса о перераспределении полно-

обстоятельствам, после моего заявления на XXIII съезде партии, у меня тоже в семье одни сразу подали заявление, а, скажем, супруга полгода думала. Ее мучает, мучает. И так можно себе представить миллионы членов партии, честных, но не так глубоко зацикленных на идее светлого будущего, но выйти им тоже тяжело. Психологически им тяжело, какие-то другие есть причины. И вдруг появляется неожиданный ход, предложение коммуниста, председателя нашего Комитета Верховного Совета Руцкого Александра.

Он предложил ряду коммунистов: "Давайте образуем депутатскую фракцию "Коммунисты за демократию". И буквально за несколько дней на Съезде образовалась депутатская группа, фракция "Коммунисты за демократию" - 170 человек. Это вообще уникальное явление, но ведь надо думать дальше. Оно встречено было очень интересно, многие коммунисты откликнулись немедленно. Но ведь этот "эффект Руцкого", как его сейчас называют, а учитывая личностные качества: честность, открытость, напористость ... /н.д./. Он как-то притягивает людей, с ним работать приятно, интересно.

- П. На первом Съезде он был совершенно другим человеком, он прошел колоссальную эволюцию.
- Б.Н. Совершенно верно. Вы знаете, я ведь не один раз с ним встречался, как он рассказывает, он очень много, часто встречается с избирателями, у него Курская губерния, другие соседние области, на него очень сильно влияют избиратели, их точка зрения, их мировоззрение. Он пришел к такому выводу, но ведь он сейчас на этом не остановится, не только на депутатском корпусе, но он будет привлекать и других, тех коммунистов, которые за демократию. А таких много, причем не только среди молодежи. Среди молодежи,

допустим, это понятно. Но что самое интересное, и среди ветеранов, которые поняли, куда нас завели очень далеко и в тяжелую такую ситуацию. И действительно, чтобы честно как-то выполнять долг и гражданина, но одновременно и коммуниста, они могут это сейчас сочетать. Интересный момент.

П. Одиннадцатого числа в газете "Известия" опубликован, вот лежит передо мной, материал "Выйти из окопов. Для чего?" Группа коммунистов видит в том, что произошло на Съезде, процесс, который непременно выйдет за рамки Съезда России и может оказаться кардинальным вообще в том положении и в тех событиях, которые развиваются внутри КПСС и, в частности, в РКП.

Б.Н. Я могу тоже предположить с учетом того, что и по обстановке, и по итогам семидесяти с лишним лет при правящей партии мы дошли до такого состояния, что человек настолько унижен, что более в оскорбительном положении, по-моему, не находится ни в одной стране. И ведь в этом КПСС виновна. И многие себя в этом корят, может быть, иногда и несправедливо корят, но тем не менее они — коммунисты. И такой выход и психологически, и политически очень сильный, и он, конечно, выйдет за рамки Верховного Совета, Съезда народных депутатов России, я думаю, что он даже выйдет за рамки России вообще.

П. Борис Николаевич, когда вы поднимались на трибуну, чтобы сделать заявление, вы были уверены, что вас поддержит Съезд, или вы чувствовали, что вы идете на какой-то риск?

Б.Н. Где-то в глубине я имел запасной вариант — уйти в отставку, если не поддержат. Хотя одновременно постоянно воспроизводил картину встреч, скажем, с рабочим классом. Думают: "Случайно Ельцин поехал в Ленинград на Кировский завод на одни сутки всего, но перед

Съездом за трое суток?" Ничего не случайно. Я хотел почувствовать, чем рабочий класс в данный момент дышит, чувствует, в кого верит, в кого совсем не верит, на кого еще надеется, что думает предпринимать. И там я почувствовал: все-таки и в этот момент, когда уже действительно кризис, тем не менее есть поддержка рабочего класса, и они прямо заявляют, что они пойдут на любые меры, если что-то произойдет на Съезде. Это ведь поняли и коммунисты тоже. Поняли в самый решающий, может быть, момент, когда выступил Полозков: "Да нет, мы не против того, чтобы .../н.д./". Пусть некоторые пока поработают, мы им дадим возможность". Они ведь распоряжаются, а не народ, поэтому: "Им пока дадим возможность поработать". Но там все время при встречах, а там были встречи, и тысячи, тысячи, тысячи, они меня все время только предупреждали: "Только не уходите. При всякой ситуации на Съезде только сами не подавайте в отставку". Это — рабочий класс, а не просто разработанный сценарий и по нему идет вся эта встреча. Нет. Я хотя и отгонял эту мысль, но тем не менее она возвращалась. Но как-то я верил, что, может быть, не в том варианте, в котором я предложил, но тем не менее все-таки заявление реальное. Все-таки я надеялся.

- П. Борис Николаевич, в постановлении, в первом варианте, который, к сожалению, был отклонен, на мой взгляд и на взгляд громадного количества депутатов была очень продуктивная идея "круглого стола". Мне бы хотелось, чтобы вы коснулись этой проблемы, ибо эта проблема для вас не случайная. Вы говорите о ней уже много раз. Как вы ее рассматриваете на сегодня и как вы чувствуете реальность воплощения этой идеи, которая, лично на мой взгляд, крайне продуктивна?

Б.П. Мне кажется, и я до сих пор уверен, что эта идея очень и очень продуктивна и только, а может быть, и не только для России, а для всей страны в целом. И вот почему она, в нескольких вариантах будучи в проекте постановления, тем не менее не была поддержана депутатами, даже становится странным. Потом анализ показал, конечно, что голосовали против "Коммунисты России", некоторые другие представители.

М. Аграрники.

Б.Н. Да, аграрники, часть автономий. Думаешь: но почему? Никого это не ущемляет. Это стремление какой-то гражданский мир все-таки имеет. Сегодня полная разногласица, сегодня идет борьба одних с другими. Потом это не изобретение мое - европейский "круглый стол". В Польше - "круглый стол", в других странах - "круглый стол". То есть когда не могут договориться в правительстве, руководстве с какими-то другими политическими, общественными силами, то создают вот такой инструмент, который мог бы действительно отработать общий механизм влияния на эти процессы, чтобы за этот "круглый стол" сели бы и Горбачев, и Ельцин, и другие представители республик, руководители и представители КПСС и других партий, и рабочее движение, забастовочное движение, в том числе шахтеры, то есть те, кто сегодня имеет наибольшее влияние на все политические процессы в нашей стране. Я убежден, что другим путем сейчас не решить. Законы не действуют, указы не действуют. Ну как вот? Шахтеры встретились с правительством - еще несколько шахт закрыли. И не верят, говорят: "И не будем верить, и Президенту страны не верим". Как-то решать вопрос надо? Надо. Иначе страна развалится. Уголь, металлургия, химия, машиностроение, транспорт, товары народного потребления, сельское хо-

зайство – все на этом, как говорят, замешано. Поэтому немедленно начать диалог всех политических сил на принципах "круглого стола", мне кажется, это архиважно. И вне зависимости от того, что если Съезд не принял такого решения, я буду продолжать настаивать на этом, отдельно сделать заявление, призвать все политические партии, руководителей республик, рабочее движение, забастовочное движение и так далее, сесть за стол переговоров и на нем, это, конечно, будет иметь временный характер, определить механизм общего взаимодействия. Где-то надо проблемы решить, где-то, может быть, мораторий надо на какое-то время, скажем, на забастовки, принять, и ряд других вопросов. Почему не откликнулся Президент, мне тоже пока непонятно. Он, может быть, еще откликнется, может быть, его сейчас пока увлекла поездка в Японию, поэтому ему не до этого, не до внутренних вопросов. Но тем не менее я думаю, что сейчас в стране такая обстановка, что после шахтеров останавливаются металлурги – это уже крах. Не просто кризис, а это крах. И за этим наступит крах системы. С одной стороны, нужен бы такой крах системы, но, с другой стороны, не таким путем, потому что от этого пострадают люди, за этим полное гражданское неповиновение, это тоже не нужно.

П. Борис Николаевич, перераспределение обязанностей – срок очень малый: 60, может быть, до вступления президента 70 дней. Что бы вы считали возможным, что бы вы хотели сделать обязательно за этот срок?

Б.Н. Во-первых, я хотел бы вернуться к одному вашему вопросу, на который я не ответил, а вы не заметили, что я не ответил. Это вопрос о вотуме доверия или недоверия. Так вопрос и не прошел. Вы знаете, он был напрямую там. В одном из пунктов проекта постановления

был напрямую, что вот политическое, так сказать, недоверие
Председателя Верховного Совета прежде всего, Совету Министров.

М. Признать линию неправильной.

Б.Н. Нет, это уже следующее. Это тоже один из вариантов, что неудов-
летворительной признать работу. И это отвергли. Но там прямо,
в прямой постановке был вопрос. И это не прошло. Но это говорит
о том, что все-таки поддержка, во-первых, конечно, депутатов,
многих тактических сил да и, конечно, влияние избирателей.
В этот момент ведь такой, я бы сказал, был всплеск активности
избирателей, потому что действительно все очень переживали:
вдруг произойдет такой конституционный переворот на Съезде, за-
менят руководство. Все-таки россияне пока, по крайней мере се-
годня, мне, кажется, доверяют. Все, кто в зале сидел, они чувство-
вали свою ответственность за последствия, если действительно
такое произойдет. Какие, я считаю, главные моменты, которые сей-
час нужно было бы предпринять? Первое. Я уже собирал Президиум
Верховного Совета, Президиум Совета Министров. Это четко разло-
жить задачи Съезда по каждому вопросу, четко: какая мера, кто
ответственный и срок. Если откровенно говоря, так называемая
"шестерка", - пусть не обижаются, это просто стало какое-то
обыденное название, - но ведь к ним это все время .../н.д./.
Скажем, с моей стороны было довольно лояльное, с точки зрения
их работы, отношение. Я имею в виду в Верховном Совете. Они в
своем деле профессионалы, но здесь ничего. И надо дать им воз-
можность адаптироваться. И все-таки так с них не требовал, как
надо было бы требовать. Все, сейчас время прошло. Они сами напо-
мили об этом своим политическим заявлением. Ну что ж, напомнили.
Сейчас четко, прямо за каждым будет записано, что нужно делать.

И спрос, и отчетность и на Президиуме, и на Верховном Совете, и перед Председателем. Вот так! Умеешь работать — умей, работай. В конце концов, я не ставил так вопрос принципиально: или — или. Или я, или вы. Нет, я считаю, что не надо так на данном этапе. Пусть работают, но докажут, что они могут работать. А уж если не могут, тогда другое дело. Вот это, то есть конкретно. Так и на Совмине мы очень детально обсуждали, кстати, все проблемы, очень детально, принципиально, и претензии аграрников во многом, безусловно, справедливые. Так получилось, что мы в бюджете значительно повысили финансирование. И вот именно в аграрном секторе нас обвинили больше всего в том, что мы действительно недоработали. Это справедливо. Выделив финансирование почти в два раза больше на этот год на аграрный сектор, мы тем не менее потом практически были на заданные позиции сдвинуты решением союзного руководства по оптовым ценам на все: на строительные материалы, на продукцию, на металл, на прочее, прочее, прочее. И сельские, имея эти деньги, но отдавая их за все что угодно в 2-3 раза больше, в физическом выражении оказались почти на тех же позициях и в социальном и так далее. Ну, может быть, наша вина, мы чуть-чуть опоздали с тем, чтобы все-таки скорректировать это. Мы уже чувствовали, что недовольство и что такие цены, хотя это опять ошибка союзного руководства, что были введены такие оптовые цены, а вслед за этим соответственно розничные. Это спираль сейчас. Я все время говорю, что я против такого подхода к реформе: начинать ее с того, чтобы все взвалить на плечи всего народа, реформу. И сегодня я говорю против. Я думаю, что жизнь так и покажет, в конце концов. Уверен в этом. Так вот, возвращаясь к аграрникам. Мы, конечно, сейчас должны постараться

все-таки какими-то компенсациями, может быть, какими-то стимулирующими налогами, но все-таки дать им преимущество, как мы обещали на втором внеочередном Съезде народных депутатов. Дать им какой-то приоритет, потому что сегодня продовольствие - это приоритет из приоритетов. Второе. У нас по продовольствию сейчас есть специальная программа, которую мы будем сейчас очень энергично осуществлять.

П. Аграрники говорят, что Ельцин перераспределил обязанности, чтобы ввести продразверстку.

Б.Н. Ну нет, это .../н.д./. Я потом встречался с ними, они так это .../н.д./. "Это мы полшута, так сказать". Хотя, конечно, кто-то, может быть, об этом думает серьезно. Нет, никакой продразверстки не будет. Наоборот, когда мы ввели 40 процентов продналога и 30 процентов российского госзаказа, когда они просили: "Дайте свободы", - потом стали обращаться целые области: "Нет, не надо нам 70 процентов, дайте нам 100 процентов госзаказа, чтобы продналог и госзаказ были 100 процентов" - вот это удивило. "Вы просили свободу и сейчас отказываетесь от нее". Потому что там действительно есть свои нюансы, к чему пока аграрники не готовы. Но это далеко не все области, это ряд из них. Я думаю, что это все-таки стабилизируется. Хотя мы пошли очень гибко. Чтобы не нарушать закон, мы сказали областям, которые хотят иметь 90-100 процентов: "Вы обращайтесь, и Совет министров как исключение принимает решение, что мы устанавливаем вам, скажем, 90 процентов по молоку или по мясу, в совокупности продналог и госзаказ, временно, только на этот год". Но тем не менее больше половины не обратились. Следующее. Это стабилизация экономики, финансов и осуществление реформ более энергично, не пятиться назад ни в коем случае.

То, к чему нас сейчас толкает большая группа консерваторов в стране в целом — это путь, который просто столкнет нас в бездну, а не просто возвратит на прежние позиции. Вопрос о земле решать именно сейчас, осуществлять земельную реформу, именно весной сделать максимум. Есть некоторые области, где идет саботаж в отношении реализации земельной реформы. А только это сегодня может нас спасти. Надо дать каждому, кто желает, сад, огород, земельный участок для строительства дома или для фермерства, кто желает возделывать землю. Это очень важно. С этим связана социальная проблема села. Дальше меры по социальной защите населения. Они у нас, к сожалению, слабые, вплоть до военных. Мы хотим в России принять какой-то закон о социальной защите военнослужащих и их семей. Вот говорят: "Как же, у вас же нет российской армии". Да, нет. Но мы не можем согласиться, что сегодня армия в таком положении: не просто унижена морально, но и материально не защищена. Уезжает глава семейства — семья бедствует, ей не к кому обратиться в своем военном городке. Так это мы должны, Советская власть и наши законы, их социально защитить от этого произвола, равнодушия всех этих начальников военных городков. Мы должны защитить и не только в этом. Там целый спектр. Мы хотим поднять минимальную заработную плату, снизить рабочую неделю с 41 до 40 часов, поднять минимальный отпуск для всех категорий трудящихся до 24 рабочих дней /но это пока рассматривается на Верховном Совете/, поднять пособия по временной нетрудоспособности, то есть такая социальная защита, которую прежде всего требуют трудящиеся, которые имеют малые доходы и слабую социальную защищенность в обществе. Ну и, конечно, повышение эффективности работы органов власти сверху донизу. Их организационная

структура, реорганизация, их исполнительность, повышение, так сказать, соответственно и требовательности, и исполнительности. Вопросы правопорядка. То есть много вопросов, которые требуют сегодня вот такого быстрого, оперативного, что ли, реагирования и надо их решать сверху донизу. Надо их решать именно вот за эти дни. Продолжая эту тему, что бы надо еще, так сказать, считаю, что сейчас надо подключиться буквально каждому депутату. Нет, не только Ельцин после Съезда отвечает. Есть тысяча человек с лишним, вот тысяча человек, тысяча шестьдесят восемь, каждый депутат, и отвечайте за работу, за решения, принятые на Съезде, на своем избирательном участке, перед своими избирателями, работая со своим руководством районным, городским, областным, республиканским и так далее, работая в Верховном Совете, работая в комитетах и комиссиях палат Верховного Совета. Чтобы они не были в стороне, нет. Отвечать тоже надо каждому избраннику народа, как говорят.

- И. Борис Николаевич, заканчивая беседу, вы как-то сказали совсем недавно очень своеобразные слова: "Команда Ельцина - это его избиратели". Я бы хотел, чтобы вот этот тезис, очень характерный сегодня, распространенный: команда Горбачева, команда Буша, команда Ельцина - вы раскрыли. Что такое команда, в частности, команда Ельцина, как он ее понимает?
- Б.Н. Мне не нравится вообще такое определение, даже это словосочетание. Оно какое-то полувоенное, полугражданское, непонятное, но раз оно применяется, я его не понимаю в том примитивном смысле, в котором многие хотят понять или понимают, что эта команда - это ближайшее окружение, это 8, 10, 15, максимум 20 человек, вот это помощники, это кто-то, консультанты и так далее. Так не бывает.

Не могут ИО человек повлиять так существенно на положение, так сказать, в республике, в России, тем более в стране, хотя и это, конечно, имеет значение, потому что интеллект есть интеллект. Я команду имею в виду, если эту терминологию применять, то это все-таки несколько уровней. Первое – это избиратели. Если не пользуешься у избирателей доверием, не надо браться вообще за то, чтобы командовать, как говорят. Не надо браться. Если у власти нет доверия, то нет власти вообще. Какими бы рычагами насильственными она бы не обладала: армия, КГБ, МВД и так далее. Это бесполезно. Власть – это неперемное сочетание только двух: и рычаги, но и доверие народа. Не имеешь доверия – бесполезно. Так вот главная команда – это избиратели, которые пока, мне кажется, ну, по крайней мере, я встречаюсь, половину России и больше уже сейчас объехал, и я благодарен тем избирателям, которые пока сегодня верят, потому что и я уверен, что все-таки тот кредит, который выдан на два года, стабилизация экономики и после этого улучшение жизни людей, я в это и сегодня верю. Дальше идет следующий, так сказать, как бы слой команды – это руководители ведомств, Советов и так далее. Особенно демократических Советов: Москва, Ленинград, Волгоград, Свердловск, Новосибирск и так далее. Это тоже команда. Дальше – Совет Министров Российской Федерации – тоже команда. Дальше – помощники, советники, Высший консультативный комитет или Координационный совет, я бы сказал, собранный высший интеллект России в этом Совете. Это мощнейшая команда. Никогда ни у одного человека не будет такого интеллекта, который собирается в таком коллективном разуме, где действительно высший интеллект. Причем учитывая, что он не связан административно, а он у нас на общественных началах, поэтому он не связан с зарпла-

той, которую у нас получают, тогда он более искренен, откровенен, он действительно выдает то, о чем он думает, во что он верит, что очень важно. И всегда после заседаний такого Совета возвращаешься и все время думаешь, что ты просто сегодня напитался этой мудростью людской. А средства массовой информации, которые хотят Россию именно поднять и борются за Россию, за российские средства массовой информации, за правду, которая сегодня пока блокируется, конечно, сегодня пока недостаточная информация, а они, вы боретесь за то, чтобы пробиться к людям, и это тоже команда. Так что это слишком широкое понятие и сужать его ни в коем случае нельзя.

М. Борис Николаевич, у вас предстоит поездка в Европарламент, по приглашению Европарламента. Я думаю, что после вашего возвращения мы встретимся еще раз. И хочу вам пожелать успеха в этой поездке.

Б.Н. Спасибо, я благодарен вам. Надо действительно поехать на такой большой сбор политических деятелей Европы в Европарламенте, там выступить, потом встретиться с рядом лидеров. Нужно сейчас выходить России. России доверяют, и нам сейчас нужно использовать это доверие для того, чтобы начинать диалог с другими странами Европы, мира. Сейчас я хотел бы поблагодарить всех радиослушателей-россиян и обратиться с просьбой активно содействовать нашей политике, потому что эта политика ради россиян, для россиян, для России. Только совместными усилиями мы сумеем переломить этот редчайший в истории неблагоприятный ход событий. Действительно, то, что задумано, и сейчас эта программа будет осуществляться, она направлена для людей и одновременно она направлена на то, чтобы разрушить действующую до сих пор систему командно-административ-

ную, систему, которая опять сейчас стремится вернуться и вернуть нас всех к тем временам, когда были только призывы к светлому будущему. Это сейчас не пройдет. Народ уже стал не тот, да и демократические силы сейчас начали серьезно консолидироваться. Так что до следующей встречи, уважаемые россияне.

И. Спасибо, Борис Николаевич.

27.ДЕК1991* 0050

Документ поступил
из С-та Т. Багумя в ХТ. 92

СБ-22/1621-1392